

ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк тридцать четвёртый

**ГАТЧИНСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГЕРОИ
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ**

**КАВАЛЕРИСТЫ
(продолжение)**

**МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПЛЕШКОВ
(1885 – 1956)**

Отец Михаила, генерал Михаил Михайлович Плешков (1856 – 1927), происходил из дворян Могилевской губернии. Родился в станице Николаевской Сибирского казачьего войска, а образование получил в Воронежской военной гимназии. Потом учился в 1-м Павловском и Николаевском кавалерийском училищах Петербурга. В 1876 году начал офицерскую службу корнетом Уральского казачьего эскадрона.

В 1884 году Михаил окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в разных воинских частях. Командовал полком, бригадами, дивизией. В 1913 году удостоился чина генерала от кавалерии.

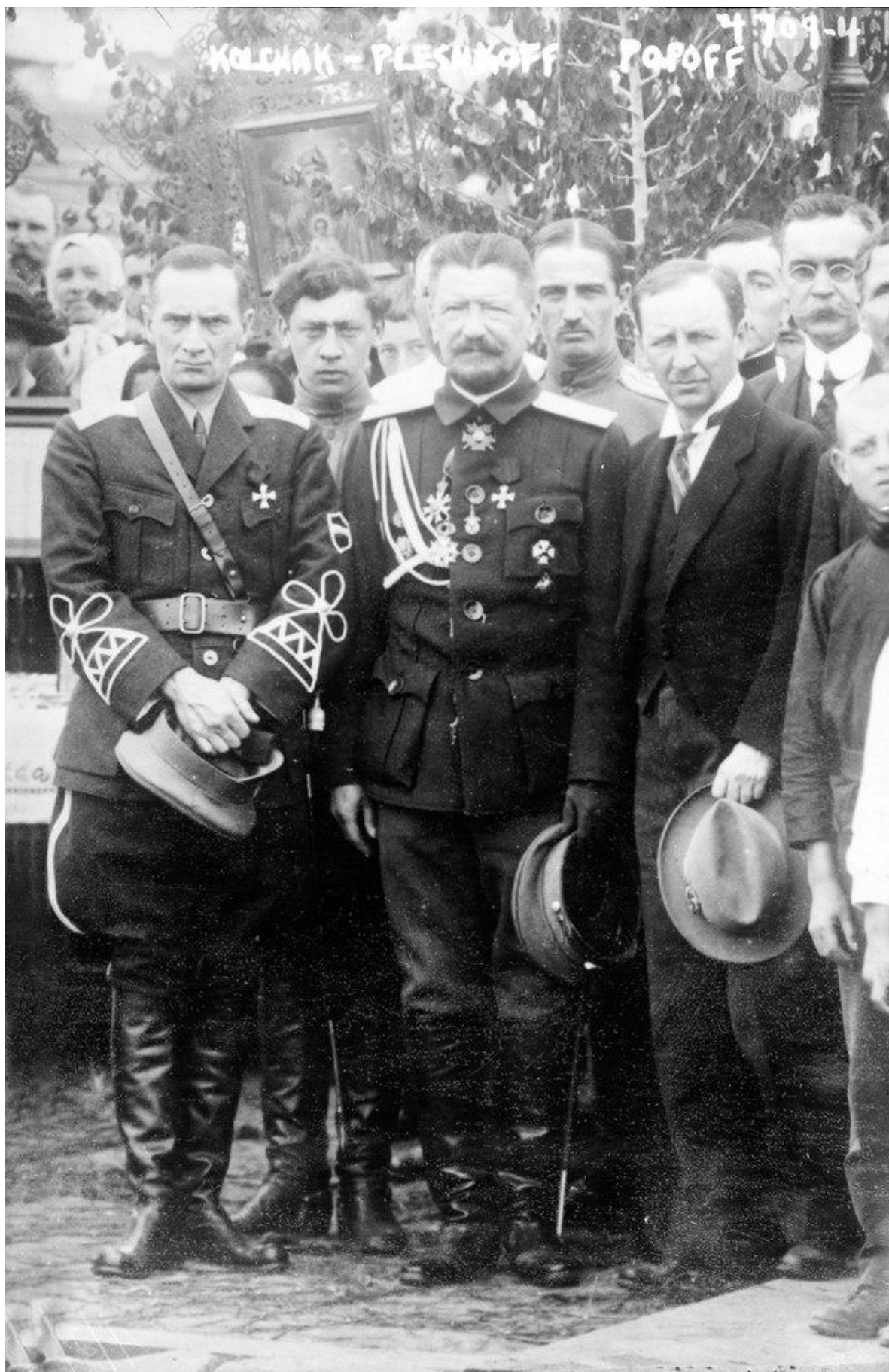
Во время Великой войны Михаил Плешков-старший командовал 1-м Сибирским армейским корпусом. 1-я Сибирская стрелковая дивизия Корпуса отличилась в первых же боях. Сразу после разгрузки, не имея ещё артиллерии, дивизия в боях у Пясечны спасла русские войска в районе Варшавы. В октябре 1914 года корпус Плешкова героически сражался под Ривой. Наградой Плешкову стало Георгиевское оружие. В марте 1915 года к этой высокой награде добавился орден св. Георгия 4-й степени. В 1916 корпус Плешкова сражался в районе Нарочи и Припяти.

Генерал Плешков имел много наград, до орденов Белого Орла с мечами и св. Александра Невского с мечами включительно. Кроме того, у него имелся иностранный орден: Люксембургский Дубового Венка командорский крест.

В середине 1917 года Плешков был отстранён революционно настроенными солдатами от должности командира Корпуса и вскоре «по болезни» отправлен в резерв штаба Минского Военного округа.

В 1918 году Плешков стал начальником русских войск в полосе отчуждения КВЖД на Дальнем Востоке.

В 1919 году генерала Плешкова избрали председателем Комитета помощи русским инвалидам.

Генерал М.М. Плешков-старший (в центре) в период службы на Дальнем Востоке. Слева от Плешкова – адмирал А.В. Колчак; справа – агент ВЧК П.Л. Попов

В 1923 Плешков сформировал отряд (300 человек) белых офицеров в Китае для службы в армии маршала Чжан Цзо Линя.

Генерал от кавалерии Михаил Михайлович Плешков-старший скончался от туберкулёза в Харбине.

Михаил Плешков-младший родился в Белостоке. Воспитанный в семье военного, да к тому же кавалериста, Михаил с детства был очарован военной службой, лошадьми и конным спортом.

После окончания Полоцкого кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища в Петербурге Плешков в чине корнета прибыл в 1904 году в Гатчину для службы в Кирасирском полку.

Здесь Плешков получил возможность заниматься конным спортом. Как известно, в полках гвардии, в т. ч. и Гатчинском Кирасирском, всегда было много хороших наездников и лошадей. Однако к моменту прибытия Плешкова в полк дела по этой части шли не совсем благополучно. Вот как об этом пишет сам Плешков:

«Когда в 1904 году я вышел в полк, состав офицерских лошадей оставлял желать много лучшего. Самой лучшей лошадью считалась очень красивая кобыла «Аспазия», принадлежавшая Поло Мордвинову. Но уже в моё время она была почтенная старушка. Мы прыгали бревно, обёрнутое соломой, и я помню, что доблестный командир полка Христофор Платонович Дерфельден читал мне лекцию, что прыжки портят лошадей. Однако, под председательством энергичного Эди Шведера, членов: Эксе, Куликовского и Чебышева, было организовано Спортивное Общество в полку. С постепенным омоложением офицерского состава и покровительством и участием Великого Князя Михаила Александровича удалось сделать очень многое. Молодые офицеры прыгали и скакали, рядовые кирасиры не отставали от господ офицеров и, к глубокому огорчению вахмистров, принимали участие в скачках в полку, в Тяглине и на конкурсах в Михайловском манеже. Устраивались скачки на военном поле и по местности. На наши полковые зимние конкурсы всегда приезжали гости из других полков и восторгались достигнутыми результатами».

После нескольких лет службы Плешкова произвели в поручики и назначили полковым адъютантом. В 1912 году Плешков возглавил полковую учебную команду. Вот как отзывался о Плешкове князь В.С. Трубецкой в своих «Записках кирасира»:

«При Бернове полковым адъютантом был некий поручик Плешков — умный и выдающийся молодой человек, имевший большое влияние на толстую «тетю Вотю» (прозвище Бернова — В. К.), а следовательно, и на все полковые дела».

С первого же года службы в полку Плешков стал участвовать в конных состязаниях в Петербурге. Потом последовали состязания в Москве, Варшаве, Вене. Скоро Плешков снискал славу одного из лучших наездников Европы. Вновь обратимся к его воспоминаниям:

«Однажды, в Петербурге, я зашёл, не помню с кем, в новый кинематограф, построенный близ Скетинг-Ринга на Марсовом Поле. После драмы, где примадонной была Аста Нильсон, и комедий с Дурашкиным и Максом Линдером, на экране появилась группа итальянских офицеров из Кавалерийской Школы в Пинероле. Они брали громадные и сложные

препятствия, спускались и поднимались на невероятно крутые подъёмы, делая это легко и изящно.

Я не был в то время новичком в этом деле: я ездил верхом с 4-х лет, не самоучкой, а под руководством очень хороших инструкторов. Я кончил вторым по езде «Славную Школу», что было не так легко в командование доблестного полковника Толпыго. С 1906 года я участвовал на конкурсах в Михайловском манеже и на скачках в Коломьягах и в Красном Селе. В первый мой выезд в Михайловском манеже, я выиграл приз Великой Княгини Марии Павловны на «Сюзи», завода Корибут-Дашкевича, принадлежавшей Прежбяно. У меня был уже «Пикколо», он же конь «Документ», завода Моравского — будущая европейская знаменитость — и тренировался «Эпир», завода.....не могу вспомнить, знаю только, что этот завод находился где-то в Полтавской губернии. Это был самый лучший прыгун, какого я когда-либо имел. Лучшего я не видел за всю мою спортивную карьеру.

В те годы у меня всегда было чувство, что я езжу не так, как следовало бы, что есть лучшая система езды. Всё, что я видел в то время в Петербурге, было не то, что мне казалось правильным. Была система гусара Звегинцова, который на сером арабе «Канзас» был непобедим в течение 2-х лет после Японской войны. Но его езда была хороша для манежа с падающими барьерами и откосами, но не в поле. В Офицерской Кавалерийской Школе, расположенной в Петербурге, занимались главным образом манежной выездкой, что не вырабатывало ездовых спортсменов.

К моему счастью, программы в кинематографе менялись раз в неделю: я имел возможность в течение шести вечеров смотреть моих итальянцев. Для меня стало ясно, что они сидят иначе, чем мы, что их лошади выезжены и тренированы иначе, и что это как раз то, что я ищу.

Узнав, что кавалергард Павел Родзянко находится в Пинерольской Школе, я немедленно написал ему, прося прислать мне школьные инструкции езды, планы и размеры препятствий и прочее. Я получил ответ, что Родзянко в самом ближайшем будущем возвращается в Россию и привезёт всё, о чём я прошу, а также двух лошадей, прошедших курс Школы.

Ещё до возвращения Родзянки я начал сам в Гатчине, в полковом манеже, применять те методы, которые я мог уловить с относительно короткой кинематографической фильмой.

Результаты были отличные.

Как только я узнал, что Павлик вернулся, я немедленно поехал к нему. В Кавалергардском манеже он продемонстрировал мне и Эксе, который был в то время в Офицерской Кавалерийской Школе, своих лошадей. Видя как при езде они идут на препятствия и берут их, мы пришли в неистовый восторг.

Мы решили организовать смену с тем, чтобы Родзянко нам давал каждый вечер уроки в их офицерском манеже. Я перевёз в Петербург «Пикколо» с моим верным вестовым «Сашей» Горячевым. На наш призыв откликнулись уланы Бобошко, Гурьев, Поляков, Пршездзецкий, Иногда ездил с нами Алек Родзянко. Павлик Родзянко прекрасно нас обучал. Мы делали большие успехи. По вечерам бывало много зрителей, преимущественно молодёжи, которая находила итальянскую систему езды замечательной. Другие, однако, критиковали. Это были старшие инструктора Офицерской Школы. Нас стали приглашать в полки для лекций и демонстраций итальянской системы езды. Я лично был приглашён в Николаевское Кавалерийское Училище, но, как ни странно, не в эскадрон, а в сотню, которой командовал в это время полковник Греков. Он всегда сам ездил головным номером в смене юнкеров, которую я обучал.

Однажды Государыня Императрица Мария Феодоровна была в Кавалергардском полку. Нам было предложено показать, как мы прыгаем — и

мы действительно прыгали... Государыня сказала нам массу комплиментов и пожелала всяких успехов.

**Поручикъ Плѣшковъ на «Пикколо»
выигрываетъ 1-ый призъ на Сельско-Хозяйственной Выставкѣ
въ Москвѣ въ 1910 году.**

Несмотря на наши успехи на конкурсах в Михайловском манеже, в спортивных газетах нас очень критиковали, замечая все наши ошибки. Это было очень неприятно, но, с другой стороны, принесло пользу: мы привыкли следить за своей посадкой и корректностью езды, что впоследствии иностранная критика всегда отмечала.

Когда в 1921 году я приехал в Америку, сюда только что начали проникать итальянские идеи езды. Газеты сильно их критиковали, сравнивая посадку с лягушкой, сидящей на камне и прочее. Но я был уверен, что итальянская система победит. И действительно, на международных состязаниях между 1-ой и 2-ой мировыми войнами американцы стали ездить, как ездим мы.

Вспоминается мне стоверстный пробег и состязание с повышенными препятствиями в Михайловском манеже — 12 препятствий, все около или более двух аршин, самый трудный номер всего сезона. Состязания были назначены на воскресенье, 6-го марта, день моего рождения. Пробег начался утром. Старт у Михайловского манежа. Направление через Коломьяги на Сестрорецк. Финиш на Коломязском ипподроме. Конечно, участвовали лучшие ездоки и лошади. Кажется, Юрочка Апрелев также участвовал. День был чудный, солнечный, мороз не больше 10 градусов. В начале пробега по Каменноостровскому проспекту мой «мустанг» тянул невероятно. Я ехал на коротких стременах и, удерживая его, не сидел в седле и очень замерзал, но, чтобы согреться, не сел в седло и не выпустил коня. Кончил я пробег вторым, сделав его в течение 5-ти часов. В общем, я проехал 75 верст галопом, 24 — рысью и одну — шагом. Приняв очень горячую ванну и позавтракав на квартире у Свечина, я в 2 часа уже был в Михайловском манеже и выиграл на «Пикколо» и «Эпире» 1-ый и 2-

ой призы на возвышенных препятствиях. Общая сумма выигрышей была около 1500 рублей. Очень приятный подарок ко дню моего рождения!

Из манежа, большой компанией, мы поехали обедать к «Медведю», а кончили под утро в баре у Контана. Только тогда я лёг спать и спал, кажется, 24 часа. Мой газетный критик, полковник Агафонов, писал, что «тренировка ездока поразительная».

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ КОННОЙ ГРУППЫ
НА ОЛИМПИЙСКИХЪ ИГРАХЪ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ ВЪ 1912 ГОДУ**

Слѣва направо: Вел. Кн. Дмитрій Павловичъ, Л.-Гв. Коннаго п. на «Unité»; Полк. А. Родзянко, Кавалергардскаго п. на «Eros»; Кап. А. Селиховъ, 2-й Конной бат. на «Tugela»; Шт.-ротм. М. Плѣшковъ, Л.-Гв. Кирасирскаго Ея Величества п. на «Cadix».

После полкового праздника я обыкновенно уезжал на конкуры в Варшаву. Месяц май в Варшаве — один из лучших: сирень и каштаны в полном цвету, тепло. Парки, улицы, кофейни полны весёлой толпой. А «паненки»... они всемирно известны: Мария Мнишек, графиня Валевская, княгиня Лович...

Конкурсы происходили близ расположения Улан Его Величества, широким гостеприимством которых пользовался я, а также мои люди и лошади. Варшавские состязания были одни из самых трудных и интересных в Европе. Устроителем этих состязаний был Николай Иванович Кавелин, бывший улан Его Величества. У него была необыкновенная способность на сравнительно небольшом участке парка построить самые необыкновенные препятствия: тут были двойные банкеты, пианофорте, канавы, спуски, подъёмы, переправы вброд, прыжки в воду и обратно. Всё это было очень солидных размеров. Паркур был очень трудный. Был случай, когда из всех участников заезда его кончил только я один.

Душой подобных конкурсов в Петербург был Владимир Иванович Звегинцов. Каких только интересных «охотничьих» заездов он ни устраивал, чего только мы там ни прыгали».

В 1913 году Плешков покинул Гатчину, чтобы стать ординарцем Великого Князя Николая Николаевича. Потом он, как знаток лошадей, служил в Государственном Коннозаводстве и был там в распоряжении генерала Винтулова.

С началом Великой войны Плешков стал офицером 5-го эскадрона лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, в составе которого воевал в Восточной Пруссии. Это были почти те же места, где в боях тогда принимал участие и Гатчинский Кирасирский полк. Населённые пункты Ширвиндт, Каушен, Мариамполь – упоминались в предыдущих очерках цикла «Гатчина и гатчинцы в Великой войне 1914 – 1918 годов».

В конце 1915 года, когда Уланский полк воевал уже в других местах, Плешкова произвели в ротмистры и перевели в 13-й гусарский Нарвский полк подполковником, командиром 4-го эскадрона. Полк воевал в составе Юго-Западного фронта.

И тут, ирония судьбы, Плешкова назначили командиром стрелкового (пехотного!) полка 13-й кавалерийской дивизии. По этому поводу однополчанин Плешкова, младший офицер 4-го эскадрона Н. Аладьин, писал:

«Это был безусловно выдающийся офицер, с большим тактом, необыкновенно простой, добрый и отзывчивый, строгий и справедливый командир. Офицеры нашего полка очень его полюбили, как отличного товарища, а гусары его просто обожали. По иронии судьбы, этот до мозга костей кавалерийский офицер и известный спортсмен, при формировании при кавалерийских дивизиях стрелковых полков, был назначен командиром стрелкового полка 13-ой Кавалерийской дивизии».

После революции Михаил Плешков-младший сумел пробраться в Сибирь, а затем и в Харбин – к отцу. Когда адмирал Колчак стал Верховным правителем России, Плешков-младший начал с июня 1919 года служить у него начальником Военной школы. Михаила произвели в генерал-майоры.

Школа находилась на Русском острове близ Владивостока. Этот остров, кстати, стал в Гражданскую войну временным прибежищем для гатчинских детей и педагогов, совершавших знаменитую кругосветную одиссею (см. мою книгу «Госпитальная улица»).

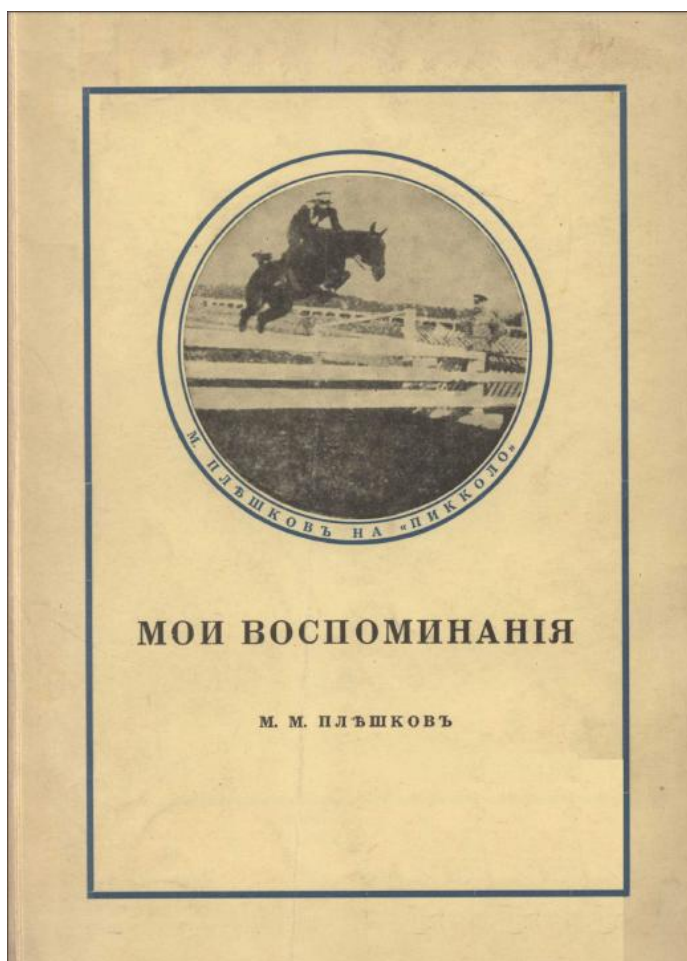
В 1922 году на острове вспыхнул мятеж революционно настроенных солдат. Все офицеры были арестованы и отведены в занятый большевиками Владивосток, в тюрьму. Они уже готовились к смерти, но, когда их ночью вывели на тюремный двор, кто-то крикнул им: «Ворота открыты – уходите!». Оказалось, их спасло вмешательство японского военного атташе, генерала Шато Хасебе, состоявшего в течение 3-х лет при Великом Князе Николае Николаевиче.

В 1921 году Михаил Плешков-младший очутился в эмиграции в Америке. Здесь он стал преподавать верховую езду сначала в школе князя Б.Д. Волконского, а потом открыл собственную школу в Вестчестере.

В 1959 году в Мюнхене издательство «Издание Объединения Кирасир Ея Величества» выпустило книгу М.М. Плешкова-младшего «Мои воспоминания». Наброски воспоминаний сохранила его дочь Н.М. Тайер, которая после смерти отца передала их для издания Старшему руководителю Объединения кирасир Ея величества барону Ф.Н. Таубе.

Привожу завершающие абзацы книги:

«К 1914 году состав лошадей полка был очень хороший. Коня «Августа», принадлежащего Третьякову, которого я всегда хотел купить, я встретил в 1919 году в Сибири, около Челябинска. Я находился в Армии адмирала Колчака и,

вдруг, однажды, вижу французского солдата, едущего на этом коне. Оказалось, что он принадлежал генералу Парис. Я отправился к генералу. Он мне сказал, что купил эту лошадь в Киеве и что он будет очень рад, если я буду на ней ездить. Я получил много приятных минут, галопируя на «Августе» по степям вокруг Челябинска. Это была последняя русская лошадь, на которой я ездил.

У полка к началу войны было блестящее спортивное имя. У нас были победы на конкурсах и на скачках, как в России, так и за границей. Но самый интересный для всего состава полка приз Великого Князя Николая Николаевича, — шестиверстный галоп всем офицерским составом полка с командиром полка во главе, который так хотелось выиграть, — выиграть не удалось: нужно было иметь ещё больше времени, чтобы заменить

некоторых лошадей и уменьшить объём талий некоторых офицеров.

Летом 1914 года должны были состояться русские олимпийские игры в Риге. Генерал Воейков, стоявший во главе организации, поручил мне постройку препятствий к предстоящим состязаниям. В моё распоряжение был прислан взвод сапер Усть-Двинской крепости, с которыми я начал работу. Стали съезжаться участники будущей Олимпиады, как вдруг, в одно прекрасное утро, мой старший унтер-офицер сапер заявил мне:

«Так что уходим, Ваше Высокоблагородие». — «Как так? Куда?» — «Так что, мобилизация, кажись война будет».

Война началась...

Кончилась моя спортивная карьера и на этом я кончаю мои спортивные воспоминания».

Михаил Михайлович Плешков-младший скончался 12 ноября 1956 года в Нью-Йорке.

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ